

ISBN 978-1-64655-089-0

SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY
LIBRARY.RU

Google
scholar

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

**LIBRARY OF
CONGRESS (USA)**

XIX INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

Boston. USA. March 29-30, 2021

ISBN 978-1-64655-089-0

UDC 08

**XIX INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
«INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF
THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE»
(Boston. USA. March 29-30, 2021)**

BOSTON. MASSACHUSETTS
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA
2021

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE / COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. XIX INTERNATIONAL
CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE (Boston, USA, March 29-30,
2021). Boston. 2021**

EDITOR: EMMA MORGAN
TECHNICAL EDITOR: ELIJAH MOORE
COVER DESIGN BY DANIEL WILSON

CHAIRMAN OF THE ORGANIZING COMMITTEE: *VALTSEV SERGEI*
CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE:

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD in Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD in Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Zelenkov M.YU.* (D.Sc. in Political Sc., PhD in Military Sc., Russian Federation), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskiy N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kaftaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Klinkov G.T.* (PhD in Pedagogic Sc., Bulgaria), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Kovaljov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravcova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Musaev F.* (D.Sc. in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skipko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Tregub I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD in Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Cuculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

PROBLEMS OF SCIENCE
PUBLISHED WITH THE ASSISTANCE OF NON-PROFIT ORGANIZATION
«INSTITUTE OF NATIONAL IDEOLOGY»
VENUE OF THE CONFERENCE:
1 AVENUE DE LAFAYETTE, BOSTON, MA 02111, UNITED STATES
TEL. OF THE ORGANIZER OF THE CONFERENCE: +1 617 463 9319 (USA, BOSTON)
THE CONFERENCE WEBSITE:
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>

Contents

LEGAL SCIENCES.....	4
<i>Hakimov Ya.B., Akbaralizoda J.A., Soliev I.I. (Republic of Tajikistan) COVERT INVESTIGATION ACTIONS AS A SEPARATE INSTITUTE OF CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION / Хакимов Я.Б., Акбарализода Дж.А., Солиев И.И. (Республика Таджикистан) НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА</i>	<i>4</i>
<i>Soliev I.I., Sherzoda B.S. (Republic of Tajikistan) OBJECTS OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTIONS IN CIVIL LAW / Солиев И.И., Шерзода Б.С. (Республика Таджикистан) ОБЪЕКТЫ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....</i>	<i>18</i>
<i>Kodirzoda M.A., Akbaralizoda J.A. (Republic of Tajikistan) SOME ISSUES RELATING TO THE ESTABLISHMENT OF THE ECOLOGICAL FUNCTION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN / Кодирзода М.А., Акбарализода Дж.А. (Республика Таджикистан) НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....</i>	<i>28</i>
<i>Suyunova K.A. (Italian Republic) CASE LAW OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: THE PRINCIPLE OF SECULARISM AND THE LIMITS OF FREEDOM OF RELIGIOUS EXPRESSION / Суюнова К.А. (Итальянская Республика) ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРИНЦИП СВЕТСКОСТИ И ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ НА РЕЛИГИОЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ</i>	<i>40</i>
SOCIOLOGICAL SCIENCES	47
<i>Rogova A.V. (Russian Federation) THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY / Рогова А.В. (Российская Федерация) ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНДУСТРИЮ ТУРИЗМА И ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА</i>	<i>47</i>

COVERT INVESTIGATION ACTIONS AS A SEPARATE INSTITUTE OF CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

Hakimov Ya.B.¹, Akbaralizoda J.A.², Soliev I.I.³
(Republic of Tajikistan) Email: Hakimov519@scientifictext.ru

¹*Hakimov Yakub Bahtiyoriddinovich – Staff Worker;*

²*Akbaralizoda Jasur Akbarali – Staff Worker;*

³*Soliev Iftikhor Isroilovich – Staff Worker,*

*NATIONAL CENTER OF LEGISLATION UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN,
DUSHANBE, REPUBLIC OF TAJIKISTAN*

Abstract: *in this article, the author analyses the new institution of criminal procedure law, which is called tacit investigative actions. And, this institution is considered relatively new and recognized in the criminal procedure legislation of some countries of the post-Soviet area. Recognition of this phenomenon as criminal procedure has led to a number of innovations and challenges in criminal procedure science and legislation in post-Soviet countries. The author therefore attempted to analyze the legislation of the post-Soviet countries in order to study the institution.*

Keywords: *investigative actions, operative investigations activity, operative investigations events, tacit investigative actions, criminal-procedure legislation, post-Soviet countries.*

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА **Хакимов Я.Б.¹, Акбарализода Дж.А.², Солиев И.И.³** (Республика Таджикистан)

¹*Хакимов Якуб Бахтиёрриддинович – сотрудник;*

²*Акбарализода Джасур Акбарали – сотрудник;*

³*Солиев Ифтихор Исроилович – сотрудник,*

*Национальный центр законодательства при Президенте
Республики Таджикистан,
г. Душанбе, Республика Таджикистан*

Аннотация: в данной статье автором проанализирован новый институт уголовно-процессуального законодательства, который называется “Негласные следственные действия”. Таким образом, данный институт считается относительно новым явлением и признан в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран постсоветского пространства. Признание данного феномена уголовно-процессуальным привело к возникновению ряда нововведений и вызовов в уголовно-процессуальной науке и законодательстве постсоветских стран. Поэтому автор попытался проанализировать законодательства постсоветских стран с тем, чтобы изучить данный институт.

Ключевые слова: следственные действия, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, негласные следственные действия, уголовно-процессуальное законодательство, постсоветские страны.

Для раскрытия преступления следователь использует все полномочия, предоставленные ему уголовно-процессуальным законодательством. Для скорейшего выявления того или иного вида преступления субъект уголовного преследования должен принять все необходимые меры для того, чтобы преступления не оставались нераскрытыми. Конечно, преступление является совершенным действием и явление прошлого времени, оно совершается в объективном мире, и его раскрытие основано на роли того или иного совершенного преступления [1]. Поэтому осуществление процессуальных действий является главной основой для раскрытия преступления. В последние годы быстро растет уровень преступности, особенно в сфере терроризма, экстремизма, наркотиков, преступлений против государственной власти, преступлений против личности, преступлений, совершаемых членами независимых преступных организаций, преступлений международного характера [2]. Чтобы как можно скорее предотвратить эти нежелательные действия, угрожающие мировому сообществу, правоохранительным органам необходимо усилить свою деятельность в этой сфере и внести весомый вклад в искоренение подобных действий.

Одним из важнейших достижений в развитии и становлении правоохранительной системы в постсоветских странах является представление и продвижение новых уголовно-процессуальных норм в законодательстве каждого постсоветского государства. Становление и развитие, произошедшие в этих странах, а также изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство некоторых стран, не случайны, а являются требованиями современного мира. Конечно, чтобы использовать опыт других стран, необходимо было привести нормы в соответствие с международными стандартами, что привело к значительным изменениям в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран в области расследования преступления. Как правило, новые изменения в уголовно-процессуальном законодательстве устанавливают в первую очередь необходимость проведения следственных действий и вводят новые качественные процессуальные институты, такие как негласные следственные действия, которые находятся в центре внимания.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство постсоветских стран все еще находится в зачаточном состоянии, вопрос негласных следственных действий уже решен, а важность его включения в уголовно-процессуальное законодательство широко обсуждается среди ученых. К примеру, в Республике Украина прошел ряд научно-практических конференций по этой теме, например конференция «Обеспечение законности в деятельности органов предварительного следствия и расследования» (г. Луганск, Луганский государственный университет внутренних дел им. им. Э.А. Дидоренко, 26 марта 2012 г.), круглый стол на тему «Усиление системы негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Украины» (Киев, Национальная академия внутренних дел Украины, 7 октября 2011 г.), научно-практическая конференция «Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства» (г. Донецк, Донецкий юридический институт МВД Украины, 26 октября 2012 г.) и ряд других семинаров и симпозиумов по данной теме [3].

Природа негласных следственных действий - это конфиденциальность информации, полученной в результате их

проведения [4], поскольку информация, полученная в результате расследований о неразглашении, с большей вероятностью будет касаться частных или личных вопросов.

В законодательстве большинства постсоветских стран институт негласных следственных действий регулируется отдельной главой, в которой указаны критерии, определяющие основания для их проведения, сроки, порядок рассмотрения заявлений о разрешении на их проведение.

На законодательном уровне различие между гласными и негласными следственными действиями заставляет нас выявить основные различия между этими двумя процессуальными институтами. Главное отличие негласных следственных действий - это конфиденциальность информации о событии и способах его расследования, что невозможно сделать без разрешения прокурора и суда.

Особое внимание уделяется порядку проведения негласных следственных действий, предусмотренному уголовно-процессуальным законодательством некоторых постсоветских стран. Решение о проведении негласных следственных действий принимается следователем и прокурором, но в случаях, когда это следственное действие ограничивает конституционные права и свободы граждан, оно может быть произведено по запросу прокурора и с разрешения суда, или же по запросу следователя с согласия прокурора и разрешения суда. Следователь обязан сообщить прокурору обо всех произведенных им негласных следственных действиях, а также представить всю полученную информацию. Прокурор вправе прекратить или изменить срок проведения тех или иных негласных следственных действий. В исключительных случаях прокурор вправе определять порядок проведения негласных следственных действий, например, в случаях надзора за совершенным преступлением [5].

Другой стороной института негласных следственных действий в уголовном процессе является совмещение следственных действий с розыскными мероприятиями, что создает серьезную угрозу конституционным гарантиям прав и свобод человека и гражданина. Безусловно, цель анализа этого института в данной работе - выявить проблему усиления негласных следственных

действий как уголовно-процессуального института в соответствии с международными инструментами и международной практикой. Использование современных методов и технологий для раскрытия преступлений очень полезно и может способствовать борьбе с преступностью и раскрытию особо серьезных преступлений. Чтобы решить эту проблему, некоторые страны мира разработали новые технологии.

В этом процессе мы должны обратить внимание на некоторые нормы, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Федеративной Республики Германии. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Германии предусматривает, что номер телефона и карта могут быть идентифицированы с помощью технических средств, а также для ареста и задержания преступника на основании ордера на арест – определяется местонахождения мобильного телефона [6].

Эти методы получения доказательств сейчас включены в уголовно-процессуальное законодательство некоторых постсоветских стран. Например, Украины, Казахстана, Киргизии, Армении, Азербайджана, Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии.

В последние годы институт негласных следственных действий был признан одной из самых важных и известных юридических структур на постсоветском пространстве [7]. Следует отметить, что в некоторых постсоветских странах данный термин употребляется условно, а на законодательном уровне используется под разными названиями.

Сегодня встает вопрос об актуальности оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, наряду с попытками определения их территории действия не только в юридической науке Российской Федерации, но и в других постсоветских странах.

Уголовно-процессуальное законодательство Франции, Федеративной Республики Германии, Швейцарии и Австрии включает специальные негласные следственные действия, процедуры их назначения и проведения, которые требуют строгих требований о не нарушении конституционных прав человека.

Следует отметить, что проблема существования оперативно-розыскной деятельности и следственных действий была

достоянием не только сегодняшнего поколения, но и периода становления советской эпохи. Даже после судебной реформы 1864 года, помимо дознания и предварительного следствия, существовал еще и обыск, который носил непроцессуальный характер [8]. Результаты обыска не могли сразу представляться в качестве доказательств, только после тщательного предварительного расследования и допроса субъектов, которые его проводили - они могли быть приобщены к уголовному делу.

В определенной степени негласные следственные действия предусмотрены в работах известных дореволюционных ученых в области уголовного процесса, в том числе И.Я. Фойницкий отмечает [9], что «некоторые меры, предусмотренные законом - в частности, устный допрос и негласное наблюдение, а также обыски в определенной степени, могут быть определены для установления обыска на месте происшествия, обыска в доме обвиняемого, а также обыска других предметов». Другой известный ученый в области уголовного процесса С.И. Викторский, со своей стороны, отмечает, что «негласность расследования заключается в том, что расследование проводится с предварительным следствием с целью выявления элементов преступления и, если возможно, установления личности преступника, определить место совершения преступления - для действий следователя ... они не оформляются, не носят судебного характера и должны быть конфиденциальными. Быстрота действий, негласность и способность обнаруживать признаки преступной деятельности - вот качества, которые требуются от следователей».

А.Я. Квачевский отмечает, что «обыск является неотъемлемой частью расследования в его самом широком смысле - одним из способов продолжения расследования, тайного поиска и признания, раскрытия личности преступника».

Статья 312 Уголовно-процессуального кодекса 1864 года предусматривает статус негласных действий полиции, направленного на сбор информации для следователя с разрешения прокурора относительно наличия или отсутствия оснований для проведения расследования.

Таким образом, негласные следственные действия могут относиться к особым процессуальным действиям, которые включают получение доказательств в негласной (секретной, конфиденциальной) форме с помощью средств, неизвестных всем или некоторым из субъектов уголовного процесса, такие как сами участники процесса негласных следственных действий, за исключением лиц, ответственных за рассмотрение дела.

Начало XXI века было признано поиском новых способов выявления и расследования преступлений в некоторых постсоветских странах. Законодательство стран СНГ, таких как Украина, Казахстан и Кыргызстан, позволяет решить эту проблему. Эти государства совместили оперативно-розыскные мероприятия с негласными следственными действиями, таким образом, давая право следователю проводить негласные следственные действия.

В современном обществе построение правового государства в постсоветских странах, повышение правового уровня и интересов граждан, улучшение работы правоохранительных органов является основной задачей, а основной упор делается на решение правовых проблем в регулировании негласных следственных действий в период досудебного предварительного следствия уголовного дела. Фактически, в этот период усиливается основной доказательный процесс по уголовному делу, на основании которого суд выявляет и разбирается в обстоятельствах преступления и выносит справедливый приговор. Качественное раскрытие и расследование преступлений обеспечивается уголовно-процессуальным законодательством и многими доктринами современной оперативно-розыскной деятельности, которые рассматриваются как правовые акты, регулирующие эти отношения.

В настоящее время некоторые ученые (С.И. Давыдов, В.Ф. Луговик, Н.В. Павличенко, А.Е. Чечетин, А.Ю. Шумилов) активно поддерживают идею совмещения негласных следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями. Негласные следственные действия признаны не только институтом уголовно-процессуальной науки, но и отдельным институтом уголовно-процессуального

законодательства Украины (2012 г.), Казахстана (2015 г.), Кыргызстана (2018 г.) [10].

Для анализа вышеизложенного следует отметить три важных вопроса, связанных с данным институтом:

- текущее состояние негласных следственных действий по уголовным делам;
- международная оценка в сфере правового регулирования негласных следственных действий по уголовному делу;
- опыт других стран в раскрытии преступлений с использованием негласных следственных действий.

Фактически, институт негласных следственных действий основан на опыте развитых стран, таких как Германия и США. В уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских стран возникло много проблем с раскрытием и расследованием некоторых преступлений, которые содержат много конфиденциальной информации и которые очень сложно раскрыть. В связи с этим возникла необходимость провести сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства постсоветских стран с развитыми странами мира, такими как Швейцария, Германия и США [11].

В уголовно-процессуальном кодексе Швейцарии от 5 октября 2007 г. выделена отдельная группа следственных действий, известных в законодательстве как негласные следственные действия. В связи с тем, что данное следственное действие было очень похоже на оперативно-розыскную деятельность, Швейцария отказалась от оперативно-розыскной деятельности и предусмотрела его в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Согласно законодательству страны, все действия направлены на выявление, раскрытие и расследование преступления, являющегося корнем всех уголовных процессов. Не принимается во внимание необходимость различать эти две действия.

Если обратить внимание на уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, то в 2014 году был введен институт негласных следственных действий, в котором использовались результаты, достигнутые опытными государствами. Данный правовой институт полностью признает все материалы, полученные в результате оперативно-розыскной

деятельности, неотъемлемой частью уголовного процесса. Ключевым моментом здесь является существенное отличие казахстанской модели уголовно-процессуального законодательства от модели западных стран, где оперативные следственные действия и предварительные расследования не разделены и сосуществуют. Это нововведение полностью поддерживают одни ученые постсоветских стран, другие полностью отрицают. В качестве сравнительного примера рассмотрим опыт Украины, в который данный институт в 2012 году был включен в уголовно-процессуальное законодательство. Эксперты в этой области отметили, что эта инициатива представляет серьезную угрозу для прав и свобод человека и гражданина, а также поставили под сомнение законность доказательств, полученных в результате негласных следственных действий [12]. Причина, по которой они доказывают эту точку зрения, заключается в том, что данное действие не является следственным действием, поскольку следователь в нем не участвует, а только дает указания в соответствующие оперативные органы. Самое главное, что, в отличие от других следственных действий, отсутствуют подробные процедуры проведения негласных следственных действий, так как некоторые из них являются государственной тайной. С разных точек зрения, проанализировав этот новый процессуальный институт, ученые предложили две точки зрения:

- полный переход к образцу зарубежных стран, предусматривающий сочетание оперативных и следственных действий;

- отказ от негласных следственных действий и переход на прежнюю систему, т.е. оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс отделены друг от друга [13].

В уголовно-процессуальной науке ученые делятся на три группы по вопросу признания института негласных следственных действий неотъемлемой частью уголовного процесса:

1. Первая группа экспертов с самого начала поддержала данное нововведение и отстаивала идею его включения в уголовно-процессуальное законодательство. Например, А.Банчук отмечает, что количество негласных следственных действий, проводимых с

разрешения суда, должно быть увеличено. Он также предлагает уточнить точные сроки этих действий [14]. На законодательном уровне должно быть четко указано, кто не имеет права доступа к информации, полученной в результате негласных следственных действий. М.А. Михайлов предлагает накопить у следователей практический опыт проведения этих негласных действий с целью получения качественных и законных результатов.

2. Другая группа экспертов отмечает серьезные трудности в интеграции негласных следственных действий в уголовно-процессуальное законодательство. Здесь необходимо проанализировать мнение украинских ученых и исследователей, включивших этот институт в УПК раньше, чем в Казахстане и Кыргызстане. Они отмечают, что у института есть следующие недостатки:

- регулирование некоторых негласных следственных действий серьезно нарушает и ограничивает конституционные права и свободы человека и гражданина;

- их регулирование осуществляется без необходимой системы, с повторением структуры верховенства закона;

- институт негласных следственных действий не имеет необходимой процессуальной формы, так как он не обеспечивает достаточных гарантий доказательства, таких как защита прав и свобод человека и гражданина [15].

Казахстанские ученые также рассмотрели существующие проблемы и представили свои идеи, например, Ахпанов А.Н. По его мнению, новые способы сбора доказательств с помощью криминалистических методов в наше время повышают уровень безопасности лиц, участвующих в уголовных делах, и обеспечивают надежность доказательств. Основания, приведенные Ахпановым А.Н. следующие:

- во-первых, только негласные следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, предусматривают сбор данных с помощью технических средств и информационных технологий, которые исследуются с точки зрения принадлежности, приемлемости и достаточности, и будут использоваться в качестве доказательств в по уголовных делах;

- во-вторых, негласные следственные действия ни в коем случае не используют форму доказательств оперативно-розыскной деятельности, а используют тактику ее проведения соответствующими следственными органами;

- в-третьих, полученная информация в результате оперативного допроса может быть источником для получения новых доказательств, однако она не используется в качестве доказательства [16].

3. Наконец, третья группа экспертов - это те, кто категорически не согласен с институтом негласных следственных действий. Таким образом, по мнению Б.Х. Толеубековой оперативно-розыскные мероприятия включены в уголовно-процессуальный кодекс Казахстана под видом негласных следственных действий, которые по сути не являются следственными действиями. Они основаны исключительно на следователе, после их проведения составляется протокол. Одним из других исследователей в этой области, который в целом выступает против института негласных следственных действий, является казахстанский ученый Гинзбург А.Я. Он является известным специалистом в области уголовного процесса и следственной деятельности, отмечая, что институт негласных следственных действий грубо нарушает как принципы уголовно-процессуальной науки, так и принципы уголовно-процессуального законодательства [17].

Таким образом, несмотря на то, что институт негласных следственных действий признан отдельной частью уголовного судопроизводства, он создал множество проблем, решение которых является предметом многочисленных дискуссий среди ученых постсоветских стран.

Хотя уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан не предусмотрено явление негласных следственных действий, анализ уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан показывает, что в его новой редакции с 2009 года некоторые виды негласных следственных действий признаны в качестве следственных действий, в том числе прослушивание и запись разговоров (ст. 196 УК РТ), изъятие почтовых отправлений, телеграфных сообщений и других сообщений, передаваемых по телекоммуникационным и почтовым сетям, их

досмотр и извлечение (ст. 195 УПК РТ), взятие проб для сравнительного исследования (ст. 215 УПК РТ).

В итоге институт негласных следственных действий признан неотъемлемой частью уголовно-процессуального законодательства некоторых постсоветских государств, однако по-прежнему существуют разногласия. В целом ученые делятся на три группы. Первая группа утверждает, что негласные следственные действия должны быть признаны неотъемлемой частью уголовно-процессуального законодательства. Вторая группа категорически против этой идеи, и они признают свое мнение об исключении оперативно-розыскных элементов из уголовного процесса. Третья группа придерживается мнения, что элементы оперативно-розыскной деятельности должны конкретно регулироваться законодательством об оперативно-розыскной деятельности, а негласные следственные действия - уголовно-процессуальным законодательством.

Большинство постсоветских государств уже включили эту систему в свое уголовно-процессуальное законодательство, а в будущем государства, которые не приняли ее, могут включить это явление в свое уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы / References

1. *Абдуллоев П.С.* Далелҳо ва исбот дар мулофиаи ҷиноятӣ. Душанбе – 2019. с. 7
2. *Кулобиев Ё.А., Ҳакимов Я.Б.* Ҷанбаҳои назариявии амалҳои тафтиши ғайриошкоро: мафҳум ва моҳияти он // Қонунгузорӣ, 2020. №4 (40). С. 151-157.
3. *Сергеева Д.* Основания проведения негласных следственных (розыскных) действий согласно уголовно-процессуальному законодательству Украины // Закон и жизнь, 2014. № 5. С. 25.
4. *Ҳакимов Я.Б.* Амалҳои тафтиши ғайриошкоро дар мулофиаи ҷиноятӣ пасошӯравӣ // VII Международная студенческая научно-практическая конференция «Актуальные вопросы юриспруденции». Душанбе, 2020. С. 110-116.

5. *Соколов А.Н.* К вопросу о специальных следственных действиях // *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2011. № 2. С. 59-65.
6. *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии *Strafprozessordnung (StPO)*: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012.
7. *Толочко А.Н.* Правовая регламентация негласных следственных (розыскных) действий в уголовно-процессуальном законодательстве Украины // *Пробелы в российском законодательстве*, 2013. № 6. С. 312-318.
8. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // *ПСЗ РИ*. Т. 39. № 41476.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003.
10. *Колосович М.С.* Производство негласных следственных действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии // *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 2015 №3 (33). С. 139–146.
11. *Шамуратов Д.Е., Жолумбаев М.К.* Институт негласных следственных действий в уголовном процессе Казахстана // *Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.–практ. конф.* Чебоксары, 2016. № 2. С. 302.
12. *Уваров В.Г.* Негласные следственные действия в новом УПК Украины // *Научные ведомости*, 2013. №8 (151). С. 214–217.
13. *Терещук С., Юхно А.* Феномен негласных следственных (розыскных) действий в уголовном законодательстве Украины // *LEGEA SI VIATA*, 2016. С. 67–71.
14. *Ковалев Н., Банчук А.* Правовое регулирование оперативно розыскной деятельности в Кыргызской республике. Б., 2014. С. 49.
15. *Ахкубеков А.Х.* Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в Германии // *Оперативник (сыщик)*, 2005. № 1. С. 50-51.

16. *Ахпанов А.Н., Хан А.Л.* О правовой природе и разграничении оперативно – розыскных мероприятий и негласных следственных действий // Вестник Института законодательства РК, 2018. № 3 (52). С. 45–53.
 17. *Гинзбург А.Я.* О так называемых «негласных следственных действиях» // Юрист (Каз.), 2013. № 5. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://journal.zakon.kz/4568011-o-tak-nazyvaemykh-neglasnykh.html/> (дата обращения: 29.03.2021).
-

OBJECTS OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTIONS IN CIVIL LAW

Soliev I.I.¹, Sherzoda B.S.² (Republic of Tajikistan)

Email: Soliev519@scientifictext.ru

¹*Soliev Iftikhor Isroilovich – Staff Worker,
NATIONAL CENTER OF LEGISLATION UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN;*

²*Sherzoda Burhonali Sabzali – Master's Student,
LAW FACULTY,
TAJIK NATIONAL UNIVERSITY OF THE REPUBLIC
OF TAJIKISTAN,
DUSHANBE, REPUBLIC OF TAJIKISTAN*

Abstract: *unauthorized construction is one of the phenomena of civil law and one of the most actual problems, both civil law and modern conditions. The importance of this issue is evidenced by a large number of disputes in this regard, the fact that this construction contradicts the requirements of urban planning and different views on the legal status of unauthorized construction. The article examines the objects of unauthorized construction, taking into account the current legislation and scientific literature. The authors identified some features of unauthorized construction objects and presented their views on this issue.*

Keywords: *real property, unauthorized construction, building, construction, structure, construction in progress.*

ОБЪЕКТЫ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Солиев И.И.¹, Шерзода Б.С.² (Республика Таджикистан)

¹*Солиев Ифтихор Исроилович – сотрудник,
Национальный центр законодательства при Президенте
Республики Таджикистан;*

²*Шерзода Бурхонали Сабзали – магистрант,
юридический факультет,
Таджикский национальный университет,
г. Душанбе, Республика Таджикистан*

Аннотация: *самовольная постройка - один из важнейших вопросов гражданского права и изучение этого вопроса имеет большое теоретическое и практическое значение. О важности этого вопроса свидетельствует большое количество споров по этому поводу и тот факт, что данное строительство противоречит требованиям градостроительства, и разные взгляды на правовой статус самовольной постройки. В статье рассматриваются объекты самовольной постройки с учетом действующего законодательства и научной литературы. Авторы выявили некоторые особенности объектов самовольной постройки и представили свои взгляды на этот вопрос.*

Ключевые слова: *недвижимое имущество, самовольная постройка, здание, сооружение, строение, незавершенное строительство.*

В гражданских правоотношениях объект является одним из основных элементов, эти отношения возникают в связи с ними, и потребности субъектов удовлетворяются именно посредством объектов. В отношениях, связанных с самовольной постройкой, объект также является предметом этих отношений, поскольку правовое регулирование этих отношений возможно только в случае выявления объекта самовольной постройки. Поэтому особое внимание следует уделять объекту отношений самовольной постройки и его следует тщательно исследовать.

Согласно статье 246 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, самовольной постройкой является жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных норм и правил [1]. В данной статье установлено, что объектом самовольной постройки является жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество. Однако неясно, какое недвижимое имущество входит в эту категорию. Поэтому вопрос об объекте самовольной постройки является спорным. А.В. Демкина отмечает, что использование понятия недвижимого

имущества в определении самовольной постройки не совсем корректно с научной точки зрения, поскольку недвижимое имущество является объектом гражданского права, а самовольная постройка с точки зрения гражданского права представляет собой совокупность движимого имущества, которая становится недвижимым после ее легализации [2].

Представляется, что определение понятия и правовой природы объектов самовольной постройки с учетом их важных особенностей, позволяющих признать определенные виды постройки самовольными по физическим (техническим) причинам, а также путем уточнения, гражданско-правовых понятий, которое установлено в статье 246 Гражданского кодекса Республики Таджикистан. В данном исследовании анализируются следующие основные критерии: «строительство», «жилой дом», «строение», «сооружение», их взаимосвязь с другими явлениями гражданского права, в первую очередь, с другими объектами недвижимости.

Принимая во внимание особенности различных видов самовольного строительства, следует отметить, что юридическое определение объектов самовольной постройки в нормативных правовых актах не определено. Для понимания значения и сущности каждого из терминов, предусмотренных статьей 246 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, необходимо обратить внимание на другие нормативные правовые акты, регулирующие эти вопросы и обеспечивающие их значение и содержание.

Определение термина «строительство» имеет первостепенное значение, поскольку гражданское право и связанные с ним области, такие как жилищное законодательство, не дают четкого определения этого термина [3]. Таким образом, под строительством следует понимать объект градостроительной деятельности, процесс строительства которого в определенной степени завершен и отделен от других подобных объектов, существующих на том же земельном участке. С точки зрения отношения к отдельным видам объектов самовольной постройки (зданиям, сооружениям и другие), строительство выступает как общее понятие.

Согласно законодательству, объектами самовольной постройки является недвижимое имущество. Однако следует отметить, что не все объекты недвижимости выступают объектами самовольной постройки. Объекты, являющиеся недвижимыми по своей природе, такие как земельные участки и недра, не могут выступать в качестве объектов самовольной постройки. Также движимые объекты, которые по закону признаются недвижимыми, не могут считаться объектами произвольного строительства. Таким образом, только одна группа недвижимых объектов - объекты, по их назначению, являются недвижимыми, то есть имущества, которые прочно связанные с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно [4].

Недвижимые объекты, которые самовольно построены можно разделить на две группы: 1) строительство - объекты нового строительства (жилое здание, нежилое здание, технические строения, другие постройки, объекты незавершенного строительства; 2) реконструкция строения, возведение, реконструкция ранее существующего недвижимого имущества (реконструктивные объекты). Отнесение объектов недвижимости к первой подгруппы не создает особых проблем для новых объектов, созданных в результате самовольной постройки. Для классификации вновь построенных объектов достаточно определить, что они построены без использования каких-либо конструктивных элементов ранее существующего строительства. В связи с этим, по мнению ряд авторов существует сомнений к двум возможным типам реконструкции - реконструкция существующих объектов и строительство новых вместо тех, которые будут снесены [5]. С этой точки зрения последний вид «реконструкции» рассматривается как сочетание двух действий - снос ранее существующих объектов и осуществление нового строительства.

В этой связи необходимо присоединиться к выраженному в научной литературе мнению о том, что «небольшая реконструкция» не приводит к образованию нового объекта. Обосновывая эту позицию, Э.А. Киндеев и М. Пискунов отмечает, что, если в ходе строительных работ один из существующих объектов был разрушен, а новый был построен без

соответствующих разрешений, данным объектом считается самовольным. Если объект претерпел только архитектурные и градостроительные изменения, то право собственности на него не прекращается даже при отсутствии необходимого разрешения на строительные работы [5]. Такой объект не может быть признан самовольно, а собственник не может быть лишен своих имущественных прав.

Таким образом, нежилые здания и жилые дома, другие строения представляют собой различные виды недвижимости, которые имеют движимый характер и прочно связаны с земельным участком, на котором они построены. Необходимо уделить больше внимания анализу концепции жилого помещения, ведь именно эта недвижимость, как самостоятельный объект самовольной постройки, имеет свои особенности. При этом жилое помещение является объектом жилищных прав, поэтому необходимо обращать внимание на нормы жилищного законодательства.

Понятие «жилое помещение» и «жилой дом» не установлены в Жилищном кодексе Республики Таджикистан, на наш взгляд, включение этих терминов в Жилищном Кодексе Республики Таджикистан целесообразно.

Жилой дом - это отдельное индивидуальное здание, состоящее из комнат, а также подсобных помещений, отвечающее жилым и другим требованиям, связанным с их пребыванием в таком здании. Другое определение жилого помещения дано в Градостроительном кодексе Российской Федерации, согласно которому жилое помещение - это здание не выше трех этажей, которое предназначено для проживания одной семьи. Обычно жилое помещение - это здание разного типа, состоящее из жилых и нежилых домов [3].

По словам Г. Карпова, жилое помещение представляет собой главное строительства с двором и земельным участком, на котором он построен и предназначен для постоянного проживания [6]. Жилое помещение (жилой дом) по своей природе представляет собой сложный объект, который можно разделить на разные объекты и предназначен для общего пользования. Например, П.В. Крашенинников разделяет эту точку зрения,

считает, что в структуре жилой помещении, как сложный объект само жилье выступает в качестве главного объекта [4].

Таким образом, жилое помещение как объект самовольной застройки представляет собой сложный объект недвижимости и представляет собой совокупность различных хозяйственных построек, расположенных на одном земельном участке. Жилое помещение - это другой тип жилого дома, поэтому оно должно не только соответствовать жилищным требованиям, определенным законом, но и иметь прочную связь с землей.

В качестве самовольной постройки может выступать строительство всего недвижимого имущества, включая здания, сооружения, строения, незавершенное строительство, ванны, гаражи, сараи, дачи и другие недвижимые объекты.

Следует отметить, что использование термина «недвижимое имущество» для определения самовольной постройки на научной основе не совсем обосновано, поскольку недвижимость является объектом гражданского права, а самовольная постройка с точки зрения гражданского права является совокупность движимого имущества, которая может быть преобразовано в недвижимое имущество только в том случае, если она было легализовано. Возможно, в этом контексте законодатель отказался от использования термина «недвижимость» в определении произвольного строительства. Однако явление самовольной постройки не распространяется на объект, не имеющий характеристик недвижимости, потому что право собственности возникает во время строительства или передачи собственности, построенной третьей стороной, и с этого момента должно быть защищено [7].

Согласно Градостроительному кодексу Республики Таджикистан капитальное строительство - комплекс строительных работ и организационно-технических мероприятий по восстановлению зданий и сооружений, конструкций и системы инженерного оборудования, а также сохранение показателей, связанных с их использованием [8].

Соответственно, не имеет значения, предназначено ли строительство для жилых или иных целей. Однако само понятие «строительство» является спорным и не всегда рассматривается в

юридической литературе. По сути, «строительство» включает в себя процессу. В этом смысле любую недвижимость на любой стадии градостроительства можно рассматривать как самовольную постройку. Однако такое понимание противоречит сути и цели статьи 246 УК РФ. Для целей данной статьи строительство должна быть завершена и иметь определенную форму, чтобы ее можно было отличить от других подобных объектов. В другом виде, с точки зрения гражданского права, строительство следует рассматривать как совокупность строительных материалов или, при необходимости, как «стену», «фундамент», «колонну» и т. д., то есть в юридическом смысле таковые здания не являются недвижимостью [9].

Перечень объектов недвижимости самовольной постройки, построенных на земельном участке, является открытым. По мнению М.Ю. Тихомирова, Л.В. Тихомирова, такой перечень объектов может быть использован в концепции других строений, сооружений и другой недвижимости, в частности ванны, гаражей, дачи, сарай, а также незавершенного строительства [10]. В настоящее время законодательством определен точный перечень объектов самовольной постройки и в их число входят здания, сооружения и другие сооружения.

К зданиям нельзя включать самовольные постройки до приобретения права собственности в соответствии с законодательством. Также существует мнение, что незавершенное строительство является основным объектом капитального строительства [11].

Согласно понятию «капитальное строительство», данному в Градостроительном кодексе, «здание или сооружение является одним из видов объектов капитального строительства» [12]. Сооружение не является объектом учета, в отличие от других объектов капитального строительства, используется при ведении единого государственного реестра объектов капитального строительства и государственного кадастрового учета недвижимого имущества. Сооружение - объект градостроительной деятельности, объемной, плоскостной или линейной строительной системы, состоящий из несущих, ограждающих или совмещенных конструкций, который

предназначается для выполнения производственных процессов различного вида, хранения материалов, изделий, оборудования, а также для временного пребывания людей, перемещения людей, грузов и прочего.

Из концепции зданий и сооружений можно выделить две группы их особенности: 1) технические особенности; 2) их прямое назначение. В зависимости от технической сущности концепции здания и сооружения практически неотличимы друг от друга, оба они являются объектом градостроительной и строительной системы (здание представляет собой строительной системы, состоящей из несущих, ограждающих или совмещенных конструкций, образующих замкнутый объем. В зависимости от целевого использования здания и сооружения отличаются друг от друга. С точки зрения целевого использования здание предназначено в первую очередь для проживания людей, а во вторую - для реализации определенных видов производственных процессов. Целевое использование сооружения широкое и используется для следующих целей: а) выполнение различных видов производственных процессов; б) хранение материалов, изделий, оборудования; в) для временного пребывания людей, перемещения людей с места на место, грузов и т. д [13].

Понятие сооружения обширна и включает в себя концепцию здания, а также зависит от цели, для которой объект используется. Такой взгляд И.С. Д. Кузьмина также предполагает, что с ее юридической точки зрения здания и сооружения можно определить, как «здания и другие сооружения» [14]. То есть, по мнению автора, здание - это понятие части и происходит от целого (сооружения).

Таким образом, объект самовольной постройки – является только строительства. В свою очередь, здания, сооружения, строения, жилые помещения являются отдельными видами строительства. Любые объекты недвижимости нельзя рассматривать как объекты самовольной постройки, так как они не соответствуют содержанию и сущности «самовольной постройки».

Список литературы / References

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан часть 1. от 30 июня 1999 г. №803. [Нусхаи электронӣ]//АДЛИЯ: Махзани муттамаркази иттилоотӣ-ҳукукии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Нусхаи 7.0 / М-адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе.2016. 1 электрон.
2. *Демкина А.В.* Преддоговорные отношения в российском гражданском праве: новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы, 2015. 128 с.
3. *Гумилевская О.В.* Диссертация. Основания признания права собственности на самовольную постройку. Краснодар, 2008.
4. *Шерзода Б.С., Солиев И.И.* Некоторые вопросы о понятии и особенности самовольной постройки. Вестник науки и образования. № 3 (106).
5. *Киндеева Е.А.* Характеристики недвижимости при регистрации / Е.А. Киндеева, М.Г. Пискунова // Государственная регистрация прав на недвижимость: теория и практика: Сборник статей. М.: Ось-89, 2005. С. 138.
6. *Карпов Г.* Понятие самовольного строительства жилого здания / Г. Карпов // Советская юстиция, 1971. № 8. С. 15.
7. Жилищное право / П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2000. С. 17.
8. Градостроительный кодекс Республика Таджикистан от 13 декабря 2012, № 438 [Нусхаиэлектронӣ] // АДЛИЯ: Махзани муттамаркази иттилоотӣ-ҳукукии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Нусхаи 7.0/ М-адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе. 2016. 1 электрон.
9. *Бободжонов И.Х., Бадалов.* Право современного Таджикистана. Часть 4. Душанбе. “Эр-граф”, 2017. С. 161
10. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Самовольное строительство: комментарии, судебная практика, официальные рекомендации / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Издательство Тихомирова М.Ю., 2015. С. 80.
11. *Стрембелев С.В.* Нежилые здания: правовой режим, реконструкция, легализация / С.В. Стрембелев // М.: Библиотечка «Российской газеты», 2013. С. 27.

12. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2012 года, № 12, ч. 1, ст. 998; 2016 года, №7, обр. 626; 2019 года. № 1, ст. 24, ст. 25.
 13. *Шерзода Б.С., Рахимов Д.К.* Некоторые вопросы о зданиях и сооружениях как недвижимости. International Scientific and Practical Conference SCIENTIFIC COMMUNITY: INTERDISCIPLINARY RESEARCH, held on January 26-28, 2021 in Hamburg, Germany. С. 405.
 14. *Кузьмина И.Д.* Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2004. С. 4.
-

SOME ISSUES RELATING TO THE ESTABLISHMENT OF THE ECOLOGICAL FUNCTION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Kodirzoda M.A.¹, Akbaralizoda J.A.² (Republic of Tajikistan)

Email: Kodirzoda519@scientifictext.ru

¹*Kodirzoda Mirzokodir Ayub – Staff Worker;*

²*Akbaralizoda Jasur Akbarali – Staff Worker,*

*NATIONAL CENTER OF LEGISLATION UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN,
DUSHANBE, REPUBLIC OF TAJIKISTAN*

Abstract: *the article examines the formation of the ecological function of the Republic of Tajikistan, and also presents the views of various domestic and foreign scientists and researchers in the field of the ecological function of the state, on the basis of which methods of promoting the state policy in the field of the ecological function of the state are presented. In particular, theoretical issues of nature management and environmental protection are considered as the main ecological function of the state. The need to improve the legal regulation of ensuring the protection of the environment and the practical implementation of the norms of sectoral legislation, as well as by-laws of sectoral norms is noted.*

Keywords: *law, ecological function of the state, nature, object, function, ecology, state.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

**Кодирзода М.А.¹, Акбарализода Дж.А.²
(Республика Таджикистан)**

¹*Кодирзода Мирзокодир Аюб – сотрудник;*

²*Акбарализода Джасур Акбарали – сотрудник,*

*Национальный центр законодательства при Президенте
Республики Таджикистан,
г. Душанбе, Республика Таджикистан*

Аннотация: в статье изучено становление экологической функции Республики Таджикистан, а также представлены взгляды различных отечественных и зарубежных ученых и исследователей в сфере экологических функций государства, на основе которых представлены способы и методы продвижения государственной политики в области экологических функций государства. В том числе рассматриваются теоретические вопросы природопользования и охрана окружающей среды как основная экологическая функция государства. Отмечается необходимость совершенствования правовой регламентации обеспечения защиты экологии и практической реализации норм отраслевого законодательства, а также подзаконных отраслевых норм.

Ключевые слова: право; экологические функции государства; природа; объект; функция; экология; государство.

С приобретением государственной независимости Республики Таджикистан все отрасли хозяйства, в том числе и сферы государственного управления широко подверглись всеобщим изменениям. Как следствие, перед нашим государством возникла необходимость наряду с реконструкцией народного хозяйства, обновить механизмы нормативного регулирования различных общественных отношений, как внутренних нормативов, так и на основе международных нормативов, признанных мировым сообществом. Как следствие, 6 ноября 1994 года путём всенародного голосования была принята Конституция Республики Таджикистан.

Одной из жизненно важных отраслей является сфера недропользования и охрана окружающей среды. Конституция Республики Таджикистан уполномочивает государство в реализации экологических функций в сфере охраны и природопользования. В частности, в статье 13 Конституции Республики Таджикистан отмечено: «Земля, её недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства и государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа» [1]. А в статье 44

Конституции установлены обязанности каждого человека и гражданина: «Охрана природы, исторических и культурных памятников – обязанность каждого», в связи с чем вопросы реализации государственных функций в сфере экологии и природопользования является актуальным и публичным в современном мире.

Указанные конституционные нормы, в общем, являются фундаментальным основанием для защиты природных объектов и всех субъектов общественных отношений, которые непосредственно взаимосвязаны с использованием и защитой природных объектов.

Оправдано, сфера природопользования и охрана её ресурсов играет важную роль в развитии жизненно важных экономических и социальных отраслей государства. Это обстоятельство подводит к тому, что государство обращает больше внимания сфере экологии и практической реализации отраслевого законодательства, а также подзаконных отраслевых норм, постоянно принимает меры для их реализации.

Республика Таджикистан, как полноправный и суверенный субъект мирового сообщества, развивает сотрудничество с зарубежными государствами, что считается основным средством решения экономических, торговых, социальных, экологических проблем. «Республика Таджикистан, расширяя сотрудничество с зарубежными странами, ставит приоритетные задачи в обеспечении безопасности и спокойствии в Центральной Азии, ибо является сторонником укрепления отношений между народами региона, является столпом дружбы и взаимного доверия [3].

Из Послания руководителя государства вытекает, что в действительности наряду с другими жизненно важными вопросами поставленные задачи в области экологии являются обоснованными и показывают, что непосредственно Президент государства обращает больше внимания вопросам природопользования и охраны окружающей среды.

Изучение научной и юридической литературы в сфере экологии показало, что вопросам экологической функции государства учёными-юристами оказывается большое внимание. Отдельные аспекты данной темы были исследованы и рассмотрены такими

учёными, как Р.Х. Гиззатуллин [5], А.Е. Кадомцева [9], М.М. Меркулов [10], В.С. Миронов [11], В.Е. Сизов [19], М.М. Бринчук и другие.

Наряду с тем, что со стороны учёных вопрос функции государства, а также экологической функции государства был подвергнут анализу и изучению, но до сих пор все стороны данной темы не нашли своего решения или остались не освещёнными. Кроме этого, в связи с развитием экономических отношений и увеличения числа населения стран проявляется признак большей нужды людей в природных ресурсах. Эти обстоятельства указывают на необходимость совершенствования регулирующих их норм и механизмов.

В научной практике Республики Таджикистан вопрос экологической функции государства со стороны учёных сферы юриспруденции не был подвергнут изучению и анализу, и это обстоятельство указывает на своевременность и актуальность исследования данного вопроса.

Экологический правопорядок, соблюдение экологических прав граждан и юридических лиц, выполнение ими своих обязанностей должны обеспечиваться путем неуклонного внедрения режима законности, эффективного функционирования государства, его аппарата. Выполнение государством и его исполнительными органами своих экологических функций и обязанностей существенным образом влияет на формирование экологического правопорядка и реализацию прав граждан, что подтверждается, например, делом о прекращении прав на сельскохозяйственные угодья из-за их нецелевого использования [4].

В своё время Н.В. Черноголовкин писал, что «...в теории социалистического государства проблема его функций едва ли не наиболее ёмкая по содержанию и обилию материала. Какой бы аспект теории и практики государственного бытия мы не взяли, он непременно обнаружит свою связь - большую или меньшую - с вопросом о функциях государства» [24].

«Функции государства по своей сути объективны. Они, по общему правилу, обуславливаются жизненными потребностями общества, которые и задают основные направления внутренней и внешней деятельности государства. Соответственно у государства

нет выбора, выполнять их или не выполнять. Невыполнение государством той или иной функции неизбежно вызывает цепную реакцию негативных (кризисных) последствий в общественной жизни. Если, например, государство перестанет выполнять функцию по обеспечению правопорядка, то рано или поздно общество будет дестабилизировано, наступит анархия, хаос ведущие к его разрушению» [21]. Анализ литературы показывает, что существуют значительные разногласия во взглядах на количество основных функций государства и на систему функций государства в целом [24].

Л.И. Загайнов справедливо отметил, что «дискуссия о количестве функций переходит здесь в спор о «качестве» государства и имеет поэтому не схоластический (как это иногда считается), а принципиальный теоретический характер».

Соответственно, основными формами осуществления функций государства являются: 1) законодательная, заключающаяся в издании представительными и законодательными органами законов; 2) управленческая (исполнительная), проявляющаяся в основанной на законах оперативной, повседневной реализации органами исполнительной власти (государственного управления) функций государства в сферах развития экономики и культуры, транспорта, связи и т.д.; 3) судебная, связанная с рассмотрением и разрешением в судебном порядке возникающих споров; 4) контрольно-надзорная, осуществляющая выполнение функций государства посредством действия всех разновидностей надзора и контроля за законностью, в частности прокурорского надзора, осуществляемого системой органов прокуратуры за точным и неуклонным соблюдением законов всеми государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами [7]. Указанная классификация форм осуществления функций государства не единственная. Широкое признание в правовой литературе получила классификация форм осуществления функций государства, суть которой состоит в выделении правовых форм государственной деятельности [20]. Одним из основных задач современного мирового сообщества является эффективное использование природных ресурсов и своевременное обеспечение охраны окружающей среды. В

данном направлении, после приобретения государственной независимости, Республика Таджикистан (далее РТ) как полноправный член мирового сообщества присоединилась к нескольким международным актам, среди которых особое место занимает Венская Конвенция от 11 марта 1996 г., «Об охране озонового слоя» [2]. Нормы вышеназванной Конвенции устанавливают, что каждое государство - членов Конвенции вправе разрабатывать свои ресурсы сфере охраны окружающей среды и несут ответственность за вред и ущерб нанесённой окружающей среде. Следовательно, Республика Таджикистан депонировала документ о присоединении к Конвенции 6 мая 1996 г., и в РТ, она вступила в силу от 4 августа 1997 г.

Необходимо отметить, что Правительство Республики Таджикистан всегда принимает необходимые меры для дальнейшего реформирования управления экологической сферы нашего государства, разрабатывает современные способы обеспечения экологической безопасности как на территории Республики Таджикистан, так и за её пределами.

Так, в своём очередном Послании Основатель мира и национального единства — Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон отметил, что «...необходимо, чтобы мы проявляли серьёзное отношение к вопросам охраны окружающей среды, растительного и животного мира, экологической ситуации, и с этой целью добились переосмотрения подхода к вопросу усовершенствования законодательства в этой сфере» [3]. Следовательно, проблематика охраны окружающей среды, экологическая безопасность государства выступает, пожалуй, центральной среди всех остальных проблем государства. Данный факт обусловлен тем, что остальные проблемы, от которых зависит само существование общества и человечества, так или иначе связаны именно с экологией. В этой связи, основная задача данной работы заключается в теоретическом осмыслении понятия экологической функции государства.

В юридической литературе термин «функция» трактуется многозначно и по сути она употребляется как «действие», «основные направления деятельности», «задача» [22]. По теории

государства и права, функция – это направление, предмет деятельности определенного политико-правового института и включает в себе ее обеспечение. Именно здесь и выявляется особенности функции государства, правительства, комитетов, агентств, министерства и иных органов государственного управления. Такое обилие употребления термина «функция» во многом объясняет расхождение мнения ученых-теоретиков и государствоведов в толковании понятия «функции государства» и «функции государственных органов», в том числе контрольных и надзорных органов. С точки зрения философии, термин «функция» следует понимать, как «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений; совокупность обычных или специфических действий отдельных лиц, или органов, обусловленных их природой или необходимостью выживания; наличие у отдельного лица или группы лиц специфических обязанностей, выполнение которых осуществляется ими в процессе служебной деятельности» [23]. Следовательно, в юридической науке функция государства наукой рассматривается с различных точек зрения.

Так, по словам отечественного ученого профессора Р.Ш. Сативалдыева, государственная функция является основой направления деятельности страны, перед которой стоят решение определенных задач и в настоящее время функции государства становятся все более универсальными, с точки зрения экономического, духовного и социального процветания [17]. А.В. Мелёхин указывает на то, что, несмотря на разнообразие существующих точек зрения, функция государства возникло как организация, цель которой заключается в обязательном выполнении различных функций публичного характера [12].

Согласно общей теории права, государственная экологическая функция - это деятельность компетентных государственных и всех соответствующих структур по охране природных ресурсов [18]. В то же время можно считать, что экологическое состояние государства - это не только современная защита, но и широкое эффективное использование природных ресурсов.

По мнению В.В. Петрова «Функционирование государства зависит от отношения к охране природы, эффективного

использования природных ресурсов и экологического состояния» [15]. Автор указывает на то, что основой экологической функции государства является научная поддержка в экономических и экологических потребностях общества, установление гарантий реализации прав человека и основных свобод с точки зрения защиты природных ресурсов для будущих поколений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экологическая функция государства – это, *во-первых*, деятельность государства и в его лице уполномоченных государственных органов, *во-вторых* она направлена на охрану, воспроизводство и оздоровление окружающей природной среды, и, *в-третьих*, она может способствовать рациональному использованию природных ресурсов, и в итоге защищает экологические права человека в обществе. Иными словами, защита природных объектов является прямой функцией государственной политики, направленной на сохранение, восстановление и улучшение природы. Следовательно, перед государством устанавливается задача в трёх направлениях это – регламентация правового положения природных ресурсов, охрана объектов окружающей среды и обеспечение экологической безопасности общества.

По этому поводу В.Е. Сизов, пишет, что, по сути, функционирование экологии одно из важнейших современных видов деятельности государства в области охраны окружающей среды. По его мнению, «эффективное использование окружающей среды и обеспечения экологической безопасности общества, основано на реализации экологической стратегии государства» [19]. По мнению М.М. Меркулова, экологическую функцию государства следует считать, «как гарантированное конституцией государства деятельность в области охраны, эффективного использования, воспроизводства и реабилитации экологических объектов и других мер, цель которых заключается в сохранении природы и человечества» [10].

Исходя из вышеизложенного, мы определили экологическую функцию таким образом, как деятельность компетентных государственных органов по своевременному обеспечению их направления по эффективной функционировании, использования и охраны природных ресурсов. При этом важно отметить и то, что

цель экологической функции государства заключается в правовой регламентации экологических правоотношений, и, следовательно, мы должны полагаться на природоохранное законодательство Республики Таджикистан.

Подводя итоги исследования экологических функций государства, можно прийти к выводам:

- появляется необходимость совершенствования природоохранного законодательства РТ, особенно в области охраны окружающей среды и обеспечения населения безопасной питьевой водой. Следовательно, важно содействовать правовому и экологическому просвещению граждан в рамках широкого круга информационно-просветительских кампаний и есть необходимость усиления юридической ответственности за нарушение нормы законодательств в этой сфере;

- в рамках кодификации природоохранного законодательства страны, как единого документа, предлагается ускорение разработки и принятие Экологического кодекса Республики Таджикистан, соответствующего существующим стандартам.

Реализации указанных задач, по нашему мнению, можно решить только путём эффективного осуществления экологической функции государства, как современного способа поддержания, использования, защиты и восстановления природных объектов. В то же время, чтобы улучшить экологическую функцию государства, необходимо определить правовые механизмы реализации экологической функции государства, о которых остановимся в следующих наших исследованиях.

Список литературы / References

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года. С изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 года, 22 июня 2003 года и 22 мая 2016 года. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/> (дата обращения: 29.03.2021).

2. Конвенция об охране озонового слоя. Принята Ассамблеей ООН. Вена, 22 марта 1985 г. Электронный ресурс: Режим доступа: <https://www.google.com/search?client=opera&q=Венская+Конвенция+от+11+марта+1996+г.+%2C+«Об+охране+озонового+слоя»&sourceid=opera&ie=UTF-8&oe/> (дата обращения 07.01.2020).
3. Послание Основателя мира и национального единства — Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли от 26.12.2018. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/69/> (дата обращения: 08.01.2020).
4. Актуальные проблемы экологического права: монография. С.А. Боголюбов. М.: Издательство Юрайт, 2014. 607 с.
5. *Гиззатуллин Равиль Хасанович*. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.06 / [Место защиты: Института государства и права]. Москва, 2014. 442 с.
6. *Байтин М.И.* О формах осуществления функций социалистического государства. В кн.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое государство. М., 1972. С. 187.
7. *Голунский С.А. и Строгович М.С.* Теория государства и права. М., 1940. С. 54;
8. *Денисов А.И.* Теория государства и права. М., 1948. С. 154;
9. *Кадомцева А.Е. (Анжелика Евгеньевна)*. Развитие экологической функции современного Российского государства и правовые формы ее осуществления. диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.06. Саратов, 1999. 180 с.
10. *Меркулов Михаил Михайлович*. Проблемы экологической функции современного российского государства (Теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: Ставрополь, 2002. 232 с.

11. *Миронов Владимир Сергеевич*. Экологическая функция государства: понятие, содержание, формы и методы осуществления (сравнительный анализ на примере России и Германии): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 Ростов н/Д, 2007 169 с.
12. *Мелехин А.В.* Теория государства и права: Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2009. 640 с.
13. *Немытина М.В., Лапо П.В.* История и методология юридической науки // History and Methodology of Legal Studies: учебное пособие для магистрантов под общ. ред. М.В. Немытиной. Москва: РУДН, 2017.
14. Общая теория советского права / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1966. 520 с.
15. *Петров В.В.* Проблемы эколого-правовой терминологии // Правовые проблемы экологии. М., 1980. 288 с.
16. *Петров Г.И.* Предмет советского административного права // Советское государство и право, 1940. № 7. С. 34.
17. *Сативалдыев Р.Ш.* Теория государства и права: учебник для вузов / Р.Ш. Сативалдыев (на тадж. яз.). Душанбе: «Империял-Групп», 2009. 398 с.
18. Сативалдыев Р.Ш. Проблемы теории государства и права: учебник для вузов (на тадж. яз.) / Р.Ш. Сативалдыев. Душанбе: «Империял-Групп», 2010. Т. 2. 654 с.
19. *Сизов В.Е.* Экологическая функция государства и механизм ее реализации: теоретико-правовой аспект: дисс. д-ра. юрид. наук: 12.00.01. М.: РГБ, 2006. 367 с.
20. *Самощенко И.С.* О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. №3. С. 85-86, 91; Общая теория советского права / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1966. С.51-57.
21. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д.Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. С.70.
22. *Федотов А.В.* Функция государственного органа: к вопросу интерпретации // История государства и права, 2009, № 5. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/article2096305.html/> (дата обращения: 02.01.2020).

23. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя. М., 1972. 496 с.
 24. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М.: Юридическая литература, 1970. С. 5.
 25. Экологическая функция государства и механизм ее реализации: теоретико-правовой аспект: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01/Акад. упр. МВД РФ. Москва, 2005. 372 с.
-

CASE LAW OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: THE PRINCIPLE OF SECULARISM AND THE LIMITS OF FREEDOM OF RELIGIOUS EXPRESSION

Suyunova K.A. (Italian Republic)

Email: Suyunova519@scientifictext.ru

*Suyunova Kumush Akhatovna - Master's Student,
FACULTY OF LAW,
UNIVERSITY, UDINE, ITALIAN REPUBLIC*

Abstract: *the right to manifest a religion or belief is not an absolute right, and it may be restricted where necessary and proportionate to the protection of the rights of others. In this article, we will look at the ban on wearing religious symbols, namely the hijab. We have taken as a basis the case law of the European Court of Human Rights. Referring to the judgments of the member States of the European Convention on Human Rights on the appropriate way to exercise secularism, the ECHR has established a case-law framework that allows the State party to give appropriate content to the definition of religious freedom.*

Keywords: *religious freedom, hijab, forum externum, forum internum, state neutrality, secularism, case law.*

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРИНЦИП СВЕТСКОСТИ И ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ НА РЕЛИГИОЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ Суюнова К.А. (Итальянская Республика)

*Суюнова Кумуш Ахатовна – студент магистратуры,
юридический факультет,
Университет, г. Удине, Итальянская Республика*

Аннотация: *право на манифестацию религии и убеждений не является абсолютным правом и оно может быть ограничено там, где это необходимо и соразмерно защите прав других. В данной статье мы рассмотрим запрет на ношение религиозных символов, а именно хиджаба. За основу мы взяли прецедентное право Европейского Суда по правам человека. Ссылаясь на*

суждения государств-членов Европейской Конвенции по правам человека относительно надлежащего способа осуществления светскости, ЕСПЧ создал прецедентную основу, которая позволяет государству-участнику давать надлежащее содержание определению религиозной свободы.

Ключевые слова: религиозная свобода, хиджаб, *forum externum*, *forum internum*, государственный нейтралитет, светскость, прецедентное право.

Прецедентное право Европейского Суда по Правам Человека (ЕСПЧ) в отношении запретов на ношение платков религиозного характера, а именно хиджаба, отражает понимание роли государства в обеспечении баланса между принципом светскости и свободы ношения религиозных атрибутов. Ссылаясь на суждения государств-членов Европейской Конвенции по Правам Человека относительно надлежащего способа осуществления светскости, ЕСПЧ создал прецедентную основу, которая позволяет государству-участнику давать надлежащее содержание определению религиозной свободы даже в тех случаях, когда не существует явной угрозы общественной безопасности [3].

Конвенция представляет собой правовую норму высшей ценности в иерархии правовых норм и защищает свободу совести и неприкосновенность частной жизни. Прецедентное право ЕСПЧ создает *jus cogens* в области прав человека, являясь источником квазиконституционного права прав человека для правовых порядков государств-членов Совета Европы [2, с.805].

ЕСПЧ предусматривает две меры защиты религиозных интересов: статья 9-право на свободу мысли, совести и религии; и статья 14-право не подвергаться дискриминации при осуществлении конвенционных прав по признакам, включая религиозные. Право на свободу вероисповедания в соответствии со статьей 9 Европейской Конвенции по Правам Человека разделяется между тем, что известно, как *forum internum*, абсолютное право, относящееся к праву иметь внутренние мысли и убеждения (свобода совести), и *forum externum*, относящееся к праву проявления или же манифестации религии или убеждения. Право на манифестацию не является абсолютным правом, и оно

может быть ограничено там, где это необходимо и соразмерно защите прав других [7].

За обоснованием свободы проявления религиозной принадлежности через религиозное одевание в публичной сфере, в противоположность отрицанию того же проявления, стоит обоснование легитимированной степени государственного вмешательства в гражданское общество в целях осуществления светскости. Таким образом, запрет на ношение религиозных атрибутов, в частности хиджаба, может быть оправдан, к примеру, необходимостью защитить женщин, особенно молодых девушек (девочек), которые носят его от социального давления, когда выбор носить его не является их собственным. Если мы предположим, что хиджаб имеет негативное значение для гендерного равенства, то защита женщин от доминирования и дискриминации является важной целью в данном контексте [2, с.795].

В делах, которые мы собираемся проанализировать, заявители утверждали, что запрет на ношение религиозных атрибутов, а именно хиджаба, в учебных заведениях преподавательским составом и/или учащимися, государственными служащими на месте работы и т.д. нарушает их свободу вероисповедания, гарантированных Статьями 8 (Право на уважение частной жизни), 9 (Свобода мысли, совести и религии) и 10 (Свобода выражения мнения) Европейской Конвенции по Правам Человека.

Однако ЕСПЧ в своих решениях о приемлемости исков, сослался на принцип “свободы усмотрения” государств-участников утверждая, что местные власти находятся в лучшем положении, чем Суд, чтобы решить, является ли запрет оправданной в принципе мерой и соразмерной преследуемой цели: обеспечение светскости во внутренней политике и нейтральности сотрудников государственных учреждений [5, с.22].

ЕСПЧ рассматривал вопрос о допустимости ношения платков – хиджаба учительским персоналом в государствах-членах. Суд в нескольких решениях касательно ношения хиджаба постановил, что запрет на ношение платков может считаться оправданным в принципе и соразмерным законным целям обеспечения нейтральности государственной системы образования и защиты

“прав и свобод других лиц, общественного порядка и общественной безопасности” [8].

В деле Дахлаб против Швейцарии от 15 февраля 2001 года (решение о приемлемости), с которого хотелось бы начать обсуждение, заявительница, преподавательница начальных классов, принявшая ислам, жаловалась на решение школьных властей запретить ей носить платок во время преподавания, которое в конечном итоге было поддержано Федеральным судом Швейцарии в 1997 году.

Суд признал жалобу неприемлемой (явно необоснованной), постановив, что эта мера не нарушает свободу вероисповедания, принимая во внимание, в частности, тот факт, что дети, за которых заявитель несет ответственность как представитель государства, были в возрасте от четырех до восьми лет, в возрасте, в котором дети легче поддаются влиянию, чем старшие ученики [6, с.104].

По мнению суда, демократическое государство может иметь право требовать от своих государственных служащих лояльности конституционным принципам, на которых оно основано, и, поскольку нейтралитет является конституционным принципом государства, правила университетской одежды согласуются с той свободой усмотрения, которой государства обладают в целях обеспечения светскости. Следовательно, с учетом той свободы усмотрения, которой пользовались Договаривающиеся государства в этом вопросе, вмешательство, на которое жаловались, было оправдано и соразмерно преследуемой цели [4, с.517].

Заявительница в деле Лейла Шахин против Турции от 10 Ноября 2005 года, происходя из традиционной семьи практикующих мусульман, считала своим религиозным долгом носить хиджаб. Она жаловалась на правило, объявленное в 1998 году, когда она была студенткой медицинского факультета Стамбульского университета, запрещающее студентам носить платок на занятиях или во время экзаменов, что в конечном итоге привело ее к отъезду из страны и продолжению учебы в Австрии.

ЕСПЧ постановил, что нарушение статьи 9 Европейской Конвенции по Правам Человека не имело места, установив, что в законодательстве Турции имеются правовые основания для

вмешательства, поскольку Конституционный суд Турции ранее постановил, что ношение религиозного платка в университетах противоречит принципу светскости, указанного в Конституции [4, с.477].

Принимая во внимание свободу усмотрения государств в этом вопросе, суд далее постановил, что данного рода вмешательство может рассматриваться как “необходимое в демократическом обществе” для обеспечения принципа светскости государства и целей пункта 2 статьи 9 Европейской Конвенции по Правам Человека [6, с.106]:

“Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности, или для защиты прав и свобод других лиц.”

В своём решении Суд, в частности, отметил, что необходимо учитывать влияние ношения хиджаба, который часто преподносится или воспринимается как обязательная религиозная обязанность, на тех, кто предпочитает его не носить.

В деле *Догру против Франции и Керванси против Франции* от 4 декабря 2008 года ученицы, обе мусульманки, были зачислены в государственную среднюю школу в 1998-1999 годах. Девочки неоднократно посещали занятия по физкультуре в платках и отказывались их снимать, несмотря на неоднократные просьбы преподавателя. Дисциплинарный комитет школы постановил исключить девочек из школы за нарушение обязанности учащихся усердного участия на занятиях.

Суд постановил, что в обоих случаях не было нарушения статьи 9 Конвенции, и, в частности, пришел к выводу, что заключение национальных властей о том, что ношение вуали, такой как хиджаб, несовместимо со спортивными занятиями по соображениям здоровья и/или безопасности, не является необоснованным [1, с.с.86-87].

Суд признал, что назначенное наказание было следствием отказа заявителей соблюдать правила, применяемые на территории школы, о которых они были должным образом

проинформированы, а не их религиозных убеждений, как они утверждали. Суд, в частности, отметил, что ношение хиджаба рассматривалось властями как демонстративное проявление религии, несовместимое с принципом светскости по смыслу статьи 1 Конституции Франции и вытекающее из этого принципа требование нейтралитета [5, с.с.14-16].

Заключение

В заключении, запрет на демонстративное проявление религии, в частности на ношение религиозного одеяния, может рассматриваться как оправданная в принципе мера, соразмерная преследуемой цели: обеспечение светскости во внутренней политике и нейтральности государственных учреждений, в частности государственных школ.

В этой связи, свободу вероисповедания необходимо рассматривать в свете двух понятий: *forum internum*, абсолютное право, относящееся к праву иметь внутренние мысли и убеждения (свобода совести), и *forum externum*, относящееся к праву проявления или же манифестации религии или убеждения, которое не является абсолютным правом, и может быть ограничено там, где это необходимо и соразмерно защите прав других.

Кроме того, нужно учесть тот факт, что являются ли знаки религиозной принадлежности совместимыми с признаком светскости государства. Далее, касательно государственных образовательных учреждений необходимо обратить внимание на то, что по своему показному или протестующему характеру представляет ли собой ношение религиозных символов акт давления, провокации, прозелитизма или пропаганды.; препятствует ли преподавательской деятельности и воспитательной роли преподавателей.; не нарушает ли порядок в школе или нормальное функционирование государственных образовательных учреждений; учитываются ли достоинства и свободы других учащихся или других членов школьного сообщества.

Таким образом, запрет на ношение демонстративно бросающихся в глаза религиозных символов может быть оправдан как поощрение принципов свободы и равенства женщин. Запрет на ношение религиозных символов не является непропорциональной мерой с точки зрения охраны

общественного порядка, поскольку их ношение не запрещено в местах отправления культа или в частной жизни.

Список литературы / References

1. *Howard Erica*. Law and the Wearing of Religious Symbols in Europe. Routledge, 2019. 246 с.
2. *Tourkochoriti Ioanna*. The Burka Ban: Divergent Approaches to Freedom of Religion in France and in the U.S.A., 20 Wm. & Mary Bill Rts. J. 799 (2012).
3. *Gerards Janneke, Fleuren Joseph*. Implementation of the European Convention on Human Rights and of the Judgments of the ECtHR in National Case-Law. A comparative analysis, Antwerp: Intersentia 2014, xvi + 385 с.
4. *Temperman Jeroen, Gunn T. Jeremy and Evans Malcolm D*. The European Court of Human Rights and the Freedom of Religion or Belief: The 25 Years since Kokkinakis. Brill Nijhoff, 2019.
5. *Ringelheim Julie*. State. Religious Neutrality as a Common European Standard? Reappraising the European Court of Human Rights Approach. Oxford Journal of Law and Religion, 2017. p.p. 1–24 doi: 10.1093/ojlr/rww060.
6. *Vickers Lucy*. Religious freedom, religious discrimination and the workplace. Oxford: Hart Publishing, 2016. 320 с.
7. *Petkoff Peter*. Forum internum and forum externum in canon law and public international law with a particular reference to the jurisprudence of the ECHR. Religion & Human Rights 7(3), 2012. 183–214 с.
8. *Durham W. Cole, Torfs Rik, Kirkham David M*. Islam, Europe and Emerging Legal Issues. Routledge, 2016. 354 с.

SOCIOLOGICAL SCIENCES

THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY

Rogova A.V. (Russian Federation)

Email: Rogova519@scientifictext.ru

*Rogova Anna Vladimirovna – PhD in Sociology,
INTERNATIONAL TOURISM AND HOSPITALITY
BUSINESS DEPARTMENT,
BELGOROD STATE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY,
BELGOROD*

Abstract: *the article analyzes the main problems of digital globalization of international tourism, provides statistics on the use of information technologies by tourists. The perspectives of development of technologies of virtual information space in tourism are analyzed. The types of virtual technologies in international tourism are presented and their influence on the demand of consumers of tourist services in the tourism industry is described. The market of digital technologies and its impact on the tourism and hospitality industry are being investigated.*

Keywords: *virtual technologies, international tourism, digital globalization, transformation, information technology.*

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНДУСТРИЮ ТУРИЗМА И ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА

Рогова А.В. (Российская Федерация)

*Рогова Анна Владимировна – кандидат социологических наук,
кафедра международного туризма и гостиничного бизнеса,
Белгородский государственный университет, г. Белгород*

Аннотация: *в статье рассматриваются основные проблемы цифровой глобализации международного туризма, приводится статистика по использованию туристами информационных технологий. Анализируются перспективы развития технологий виртуального информационного пространства в туризме. Представлены виды виртуальных технологий в международном*

туризме и описывается их влияние на спрос потребителей туристских услуг в индустрии туризма. Исследуется рынок цифровых технологий и его влияние на индустрию туризма и гостиничного бизнеса.

Ключевые слова: *виртуальные технологии, международный туризм, цифровая глобализация, трансформация, информационные технологии.*

The development of the global tourism industry in the 21st century is directly related to the introduction of new information technologies. Thus, the existence of modern tourism takes place in a digital economy. The revolutionary growth of information and virtual technologies has led to the creation of a completely new direction, called "digital tourism", which is the use of digital tools and technologies to prepare, organize, control and entertain the tourism industry. Digitalization in tourism is aimed at making the tourism business not only more flexible, corresponding to the realities of our time, but also more competitive in the world. The development of a virtual information space helps to ensure that customers are satisfied with the provision of services, and the owners of travel companies receive high income. The use of innovative technologies in society has had a huge impact on the international tourism industry, especially on some of its sectors, such as transport, international relations, and the hotel business [4]. Over the years, tourism has used all sorts of technologies for booking and selling tourist services, which ensured their uniqueness and availability for purchase around the world. The use of virtual technologies has increased the quality and reliability in the provision of services to tourists. Today, new methods of digital space, such as AR, VR, are gaining popularity, which expand the possibilities of the tourism business and provide new ways of its implementation [2].

The tourism industry as one of the most promising economic activities is characterized by the active introduction of digital technologies. The digital economy as a type of business, differing in that information becomes a key resource in it, as well as information management methods in all spheres of production, exchange, distribution and consumption, is based on the use of new technologies

that make up the digital infrastructure of the economy, such as: recognition technology; Chabot and artificial intelligence technologies; technologies of mobile integration; VR and AR technology [6].

1. Recognition technology. It is already widely used in some hotels, for example, retinal or fingerprint scans are used to unlock hotel rooms. This technology can improve the quality of customer service [1].

2. Technologies of mobile integration. In the era of smartphones, mobile integration is more important than ever and is one of the digital trends that is easiest to implement in the travel industry. For example, a dedicated mobile application for a hotel can be used to facilitate room bookings, restaurants, room service requests, and spa visits. In addition to self-service features, mobile integration can be used along with beacon technology to send promotional messages.

3. Chabot and artificial intelligence (AI). One of the most exciting digital trends of recent times is the rise in the use of Chabot. This technology has been a breakthrough in customer service and can be used by those in the travel industry to provide a quick response to key inquiries. It is extremely important that chat bots can quickly respond to requests even in the middle of the night [3].

4. Virtual reality (VR) and augmented reality (AR).

The use of VR and AR technologies is becoming an integral part of the development of the tourism business. Virtual reality allows customers to experience a virtual hotel experience during the booking process before paying for it to make the right travel choices [5].

Deep integration of these technologies in tourism contributes to an increase in the efficiency of communication processes among participants in the modern market of tourist services. IT, designed to make the perception of information by a person much wider and clearer, have a significant potential in tourism due to the fact that consumers, being actively involved in the virtual space, get the opportunity to purchase information, services, goods, which affects the growth of tourist traffic.

References / Список литературы

1. *Krushel E.A.* Detection of the patterns in the daily route choices of the urban social transport system clients based on the decoupling of passengers' preferences between the levels of uncertainty / *Krushel E., Stepanchenko I., Panfilov A., Lyutaya T.* / *Communications in Computer and Information Science*, 2019. P. 175-176.
2. *Karpova A.* / Information anomie: the choice on the verge of a foul. № 1, 2019. P. 41-45.
3. *Ksenofontova I.V.* The role of the Internet in the development of the protest movement. *Monitoring of public opinion.* № 3 (109), 2018. P. 175-176.
4. *Kurbatov V.I.* Network communities of the Internet as a social construct / *Humanities of the South of Russia*, № 2, 2015. P. 50.
5. *Pankrukhin A.P.* Digital's technologies in tourism -principles, content, technologies / *Practical marketing.* № 01 (167), 2019. P. 75-76.
6. *Rogova A., Koroleva I., Negelchenko E.* Sociological diagnostics of crowdsourcing technology in the practice of regional management / *Humanities and Social science journal*, 2019. DOI:10.18510/hssr.2019.75129.

**XIX INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
Boston. USA. March 29-30, 2021
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.CO](https://scientific-conference.co)**

**COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS**

You are free to:

Share – copy and redistribute the material in any medium or format

**Adapt – remix, transform, and build upon the material
for any purpose, even commercially.**

Under the following terms:

**Attribution – You must give appropriate credit,
provide a link to the license, and indicate if changes were made.**

**You may do so in any reasonable manner,
but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.
ShareAlike – If you remix, transform, or build upon the material, you must
distribute your contributions under the same license as the original.**

**ISBN 978-1-64655-089-0
INTERNATIONAL CONFERENCE**

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

DISTRIBUTED FREE OF CHARGE